

*И у мёртвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она – спасена.
Александр Твардовский*

Пётр – моё имя. Имя твёрдое, звучное; назван я так в честь своих дедов. Они не брали Берлин и не участвовали в параде Победы, сложив свои головы в самые трудные, самые драматичные 1941 и 1942 годы... Два Петра, два крепких русских мужика, оба от земли, оба родились в многодетных крестьянских семьях. В их судьбах, как в зеркале, отразилась противоречивая, трагическая и великая история России первой половины XX века. Пётр Михайлович, 1901 года рождения, отец мамы – из деревни Жильково Козельского уезда Калужской губернии (ныне Калужской области). Пётр Васильевич, 1913 года рождения, отец папы – из деревни Куршино Малмыжского уезда Вятской губернии (ныне Кировской области).

Они не знали, да и не могли знать друг друга. Но судьба распорядилась так, что во мне соединилась их кровь и возродилось имя через 20 лет после гибели дедушек. И я считаю священным долгом рассказать о них. Тем более, мне удалось поклониться их могилам. Обе могилы – братские, на обоих выбиты имена моих Петров. Уж не ведаю, что ещё может связывать два города – словенский Марибор и подмосковный Волоколамск – но для меня теперь святы и эти два названия, как места их упокоения.

Много лет мои родители пытались узнать, где погребены их отцы. И если папа, Юрий Петрович Муратов, знал, в каком городе находится могила отца, то мама, Людмила Петровна, более 70 лет знала только то, что её отец пропал без вести. Папа не раз бывал в Волоколамске, ходил от одной братской могилы к другой – их в округе множество, но безуспешно. Найти отца помог ему местный военкомат, сообщив точное место захоронения Петра Васильевича.

Петра Михайловича много лет разыскивал мой дядя – мамин старший брат Борис Петрович Калиничев. Будучи полковником ГРУ, он имел возможности и для изучения архивов, и для оформления точных запросов, но никаких следов отца найти ему не удалось. Справка из Центрального архива Министерства обороны СССР гласила: «пропал без вести 20 августа 1941 года в районе деревни Петрухново Ленинградской области». На том и успокоились. И только в новые времена, благодаря всезнающему интернету и обществу «Мемориал», мне удалось узнать подробности последних месяцев жизни Петра Михайловича.

ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ

Козельск. Не зря ордынцы назвали этот город «злым». Козельск не был центром княжества, но ни один город не достался ордынцам такой кровью, потому и стёрли они его с лица земли, засыпав, по преданию, солью место, где он стоял.

Боевой дух древних пращуров передался Петру Калиничеву. Всю жизнь он был профессиональным военным. Дяде Боре в бездонных архивах Министерства обороны всё же удалось раскопать довоенное личное дело Петра Михайловича и автобиографию, написанную им в 1939 году.

В семье Калиничевых было семеро детей. Уже в 13-летнем возрасте Пете пришлось покинуть родную деревню и начать трудиться чернорабочим на хлебопекарне в Калуге. Сохранилась фотография того периода: на ней Пётр с другом, а на обратной стороне разъяснение к фото — видно, что в 14 лет дед едва умел писать. В мае 1917 года Пётр перебрался в Киев, устроившись подмастерьем на хлебозавод. Вскоре наступило лихолетье гражданской войны. Насмотревшись на германских и австро-венгерских оккупантов, на марионеток гетмана Скоропадского и гайдамаков Петлюры, Пётр Калиничев в феврале 1919 года добровольно вступил в Красную Армию. Вначале служил рядовым красноармейцем в Первой Украинской стрелковой дивизии, затем, в июне того же года, в Особой манёвренной кавалерийской бригаде, воюя на Юго-Западном фронте против Петлюры и Деникина. В 1920 году, закончив Борисоглебские кавалерийские курсы красных командиров, в составе 17-й кавдивизии, уже в должности командира эскадрона, воевал на Западном фронте против Польши, а с января 1921 по ноябрь 1922 года — против банд Махно, Тютюника и Гальчевского.

Так и стал Пётр Михайлович кадровым офицером Красной Армии. Недолго состоял в рядах ВКП(б), но в 1922 году был исключён за (дословно) «барахольство» своих подчинённых. Впрочем, это не повлияло на его военную карьеру. В 1926 году, закончив Крымскую кавалерийскую школу имени ЦИК Крымской АССР, получил назначение на службу в Белорусский военный округ.

Боевой офицер РККА Калиничев принимал участие во всех военных кампаниях предвоенного периода: воевал на КВЖД, в Испании, на реке Халхин-Гол. Особенно запомнилось моей маме, каким помороженным отец вернулся с финской войны, а из-за ранения руки даже не смог открыть замок двери дома. Интересно, что периоды времени, пришедшиеся на эти войны, в личном деле значатся как «декретные отпуска» безо всяких подробностей.

У нас сохранились швейцарские карманные часы на цепочке, на обратной стороне которых красиво выгравировано: «Майору тов. Калиничеву П. М. За боевую подготовку. Нарком обороны СССР. 1/XI-1936 г.». Ныне это наша главная семейная реликвия. А в 1938 году он получил звание полковника с назначением на должность командира полка 7-й кавалерийской дивизии Белорусского особого военного округа.

С конца тридцатых годов началось переобучение большинства офицеров-кавалеристов специальностям других родов войск в связи с потерей кавалерией стратегического военного значения. Пётр Михайлович стал командиром мотоциклетного полка 3-го

механизированного корпуса БОВО. Последнее предвоенное назначение полковник Калининцев получил в 1940 году под Вильнюс — столицу свежиспечённой Литовской ССР, куда был передислоцирован вместе со своим полком. Туда же вскоре переехала из Минска вся его семья. В октябре того же года Пётр Михайлович стал слушателем оперативного факультета Военной академии командного и штабманского состава ВВС Красной Армии в Москве.

Его первая супруга, Софья Драбкина, умерла в 1929 году при родах сына Бориса. Пётр Михайлович женился повторно на санинструкторе полка Софье Сулович — матери моей мамы. Но не повезло и со вторым браком: моя бабушка разбилась при падении с лошади и умерла в 1938 году, когда моей будущей маме было всего семь лет. В третий брак Пётр Михайлович вступил незадолго до войны, у его новой супруги тоже имелся свой сын.

Уезжая на учёбу в лётную академию, он забрал с собой сына Бориса, передав его на воспитание в Ленинград родне первой супруги. С того времени ни об отце, ни о Борисе моя мама многие годы ничего не знала. Предчувствие надвигавшейся войны, по воспоминаниям мамы, ощущалось физически. Особенно это было заметно по поведению литовцев, в скором будущем — верных приспешников немцев. Мама рассказывала, как однажды ночью выстрелили в дверь квартиры, где они жили (их семья была расквартирована в самом Вильнюсе, а не в военном городке при полке). Там же, в Вильнюсе, 22 июня 1941 года она встретила войну.

Немцы атаковали сотнями самолётов все воинские части и сбросили на город хорошо вооружённый десант, некоторые десантники прекрасно говорили по-русски. Маме с мамой и сводным братом чудом удалось выскользнуть из спешно оставляемого Красной Армией Вильнюса, но почти все жёны и члены семей военнослужащих вильнюсского гарнизона, многих из которых мама хорошо знала, так и остались под немцами, их судьба трагична...

Представляю смятение оглушённой известием о начале войны враз ошетинившейся Москвы... Слушатель лётной академии РККА полковник Калининцев был срочно направлен в Ленинградский военный округ по своей прежней специальности: в Новом Петергофе начиналось формирование 25-й отдельной кавалерийской дивизии. Такие спешно формируемые дивизии называли «лёгкими». Начальником её штаба и был назначен полковник Калининцев. Круговерть срочных дел по формированию дивизии хоть немного отвлекла его от мрачных тревожных дум о судьбе семьи.

25 июля в состав действующей 34-й армии Северо-Западного фронта вошла новая дивизия, состоявшая из трёх кавалерийских полков, 900 сабель в каждом, и вспомогательных эскадронов. На вооружении имелись десятки станковых и ручных пулемётов, 21 орудие. Рядовой и сержантский состав набирался из добровольцев, командный — в основном, из военных академий: командир дивизии комбриг Гусев Н. И. перед самой войной служил комиссаром Академии Генерального штаба, а начальник отдела связи штаба майор Ягджян С. А. — преподавателем Академии связи.

Первой задачей 25-й дивизии стало прикрытие района сосредоточения передовых частей 34-й армии. 12 августа под Старой Руссой дивизия приняла участие в контрударе, направленном против стремительно прорывавшейся к Ленинграду немецкой группы армий «Север». Боевая задача: действия по тылам противника отдельными эскадронами в районе посёлка Дедовичи. В этом рейде кавалеристам противостояли 32-я пехотная дивизия вермахта и дивизия СС «Мёртвая голова». Продвинувшись через болота, они смогли выйти им в тыл и успешно атаковать, правда, в этих боях получил ранение комдив Гусев.

18 августа от командарма был получен новый приказ: повернуть на северо-восток, соединиться с двумя стрелковыми дивизиями и приготовиться к наступлению. Задача была очень сложная: за два дня марша кавалеристам предстояло пройти более ста

километров, часть пути проходила по открытой местности с преодолением многочисленных водных преград.

Уже в первое утро марша, 19 августа, дивизию обнаружила и атаковала вражеская авиация. При отсутствии зенитных средств, в течение суток кавалеристы потеряли больше половины личного состава и всю артиллерию. Остаткам кавдивизии удалось сосредоточиться юго-западнее Старой Руссы, в строю осталось около 800 бойцов. Но уже вечером того же дня их бросили в бой: в районе деревни Смолево была обнаружена и уничтожена колонна немецких мотоциклистов.

Немцы перешли в контрнаступление, 25-й дивизии поставили новую задачу: задержать врага, прикрыв отход главных сил 34-й армии за реку Ловать. Но 20 августа под деревней Петрухново под удар немцев попал штаб дивизии...

Я изучал именной список потерь командно-начальствующего состава 25-й кавалерийской дивизии за период с 14 августа по 1 октября 1941 года (8-й отдел Главупра кадров Наркомата обороны № 0513 от 14 декабря 1941 года). В нём под номером один значится начальник штаба полковник Калиничев Пётр Михайлович, в графе «когда и по какой причине» записано: «без вести пропал 20.8.41. в р-не дер. Петрухново Лён. области». Такая же запись у многих штабистов из этого списка, среди них начальник оперативного отдела майор Иванов, начальник отдела связи майор Ягджян, помощник начальника отдела связи капитан Евштокин, комиссар штаба Пономаренко.

Да, сказать, что первые месяцы войны стали временами трагических, полных горечи потерь и поражений — значит, не сказать ничего. Боевые задачи 25-й кавдивизии менялись, но главным было: найти и уничтожить. Огнём, шашкой, руками, зубами — как угодно, любой урон, нанесённый врагу, был бесценен. А там уж как придётся, как поётся, «что кому назначено, чей теперь черёд...». Пишу, и реально слышится грохот разрывов снарядов и бомб, канонада кавалерии, крики и мат красноармейцев, стоны раненых, хрип умирающих лошадей...

Последующая участь 25-й кавалерийской дивизии первого формирования трагична. В конце августа после короткого переформирования она вновь была направлена в рейд по тылам немцев южнее Демянска. После нескольких успешных операций, в частности, разгрома немецкого штаба (отомстили за свой штаб!), 8 сентября дивизия попала под удар вражеских танков и была рассеяна, фактически перестав существовать как боеспособное соединение. Разрозненные группы кавалеристов дивизии вместе с остатками 34-й армии самостоятельно с боями прорывались из окружения севернее и южнее Демянска. Во второй половине сентября 25-я кавдивизия была сформирована практически заново, вновь под командованием толком не залечившего своё ранение комдива Гусева.

Но, несмотря на то, что контрудар Красной Армии под Старой Руссой завершился неудачей, он всё же отвлёк часть сил немецкой группы армий «Север» от наступления на Ленинград. А значит достиг главной цели: дал время на подготовку города к обороне, сломить которую, как известно, гитлеровцам так и не удалось.

Подробности пленения Петра Михайловича, видимо, так и останутся тайной. Из личного состава штаба 25-й кавалерийской дивизии первого формирования после войны в живых остались только трое офицеров, один из них — упоминавшийся в именованном списке потерь майор Ягджян С. А. Будучи тяжело раненым, он попал в руки врага. Выжить в плену Степану Акоповичу помогла его национальность: в лагере военнопленных в польских Пулавах фашистское командование стало формировать из армян так называемые «фельдбатальоны». Условия содержания узников в них были намного мягче, чем в других лагерях. В конце 1943 года всех пленных из Пулав переправили во Францию, в город Манд. Там владевшему французским языком майору Ягджяну удалось связаться с участником движения Сопротивления, работавшим в лагере плотником, и впоследствии вместе с другими

узниками бежать из лагеря. Окончание войны Степан Акопович встретил с оружием в руках в составе 1-го советского партизанского полка французского Сопротивления.

Информацию о майоре Ягджяне я узнал из статьи «Путь мужества» майского номера журнала «Огонёк» 1957 года. В ней рассказывалось о подпольной борьбе узников-армян в условиях немецких лагерей и их участии в боевых действиях против общего врага в рядах движения Сопротивления. Борис Петрович, узнав через редакцию «Огонька» адрес Ягджяна, в конце 1957 года с ним встретился.

Дядя Боря подробно описал эту встречу, отметив, насколько немногословным был Степан Акопович, насколько тяжело давались ему воспоминания. Ягджян не скрывал, что большинство бывших окруженцев, а тем более военнопленных, на контакт идут крайне неохотно, и обижаться за это на них не стоит. Причина тому — проводившиеся по возвращении дознания особистов. Впрочем узнав, что Борис Петрович в то время являлся слушателем Академии Связи, где когда-то преподавал сам Ягджян, он хоть немного разговорился. В частности, поведал, что тогда, после неудачного наступления под Старой Руссой, из штабистов вырвались из окружения комиссар Пономаренко и тяжело раненый замначальника связи Евштокин. Они прошли всю войну. Но на момент встречи дяди Бори со Степаном Акоповичем, контакты с Пономаренко затерялись, а капитан Евштокин скончался от ран вскоре после войны.

Однако никакой информацией о судьбе своего командира, начальника штаба 25-й отдельной кавалерийской дивизии полковника Калиничева, в тот злосчастный день 20 августа 1941 года Степан Акопович, к сожалению, не располагал. Я лишь могу выразить уверенность, что в плен мой дед попал, не имея возможности сопротивляться, что косвенно подтверждает факт его быстрой смерти в немецком концлагере.

* * *

В сентябре 1941 года на железнодорожный вокзал югославского города Марибор прибыл эшелон, доставивший около 3300 советских военнопленных. Немецкие солдаты выгоняли их на перрон с криками: «Bestien heraus!» («Сволочи, вон!»). Среди доставленных был и Пётр Михайлович.

Состояние пленных было ужасным. Товарные вагоны были набиты ими до отказа, двери наглухо закрыты. Малую и большую нужду приходилось справлять на месте, многие умирали в пути, но их тела так и оставались в вагонах до самого Марибора. Немцы морили пленных голодом и жаждой. С перрона узников доставили в концлагерь, именовавшийся шталагом XVIII-D (306), у горы Мельски-Хриб.

«Шталаг» (Stalag) — немецкий термин времён Второй мировой войны, означающий базовый лагерь для команд военнопленных. Шталаг XVIII-D (306) гитлеровцы открыли в Мариборе сразу после капитуляции Югославии. В документах немецкого верховного командования впервые он упоминается 1 июня 1941 года, когда там были размещены 3 838 югославских и 208 британских военнопленных. Позднее югославы были перемещены из лагеря из-за опасений немцев в их связях с партизанами. Югославских военнопленных заменили французские. Количество и состав военнопленных постоянно менялись. С июня 1941 года до поздней осени 1942 года больше всего там было французов (почти 7 000 человек), британцев тогда насчитывалось около 3500. Большинство военнопленных привлекалось к выполнению различных работ. Счастливицами считались те, кого направляли на работу в крестьянские хозяйства. В лагере оставались только истощённые и больные. Впрочем британские и французские пленные имели возможность получать посылки и от Красного Креста, и от своих родственников, поэтому их пребывание в лагере можно считать более-менее сносным. Функционировал этот шталаг до конца войны.

Северная словенская часть Югославии позднее была включена в состав Третьего рейха (имперский округ XVIII), а Марибор немцы переименовали в «Марбург-ан-дер-Драу». Буква «D» в названии шталага свидетельствует о том, что в округе было ещё 3 шталага — «А», «В» и «С».

Советские военнопленные содержались отдельно — в здании старых таможенных складов. Условия, в которых им предстояло существовать, ничем не отличались от условий в самых ужасных нацистских концлагерях. Из-за скудного рациона физическое состояние стремительно ухудшалось. Понятно, что ни о каких посылках не могло быть и речи. Голод усугубляли тиф, чесотка и дизентерия. На огромную массу узников было всего три врача. Спать приходилось прямо на бетонном полу. Охранники лагеря, за редким исключением, жестоко избивали узников. Высокую смертность среди наших пленных нацисты объясняли тем, что многие из них якобы подорвали здоровье ещё в Советском Союзе. Представители Красного Креста, посетившие лагерь в октябре 1941 года, оценили условия их содержания как абсолютно неприемлемые.

Жители Марибора, ежедневно становившиеся свидетелями страданий узников, пытались оказывать помощь. Хозяйка магазина в Мелье через троих югославских военнопленных тайно передавала хлеб, а другая жительница Марибора собирала деньги на хлеб и табак, которые пленным проносили жалевшие их охранники из Вены.

Командование шталага приказало хоронить умерших советских узников в больших братских могилах поблизости от лагеря. Позднее их стали хоронить на городском кладбище «Побрежье», ранее умерших перезахоронили там же. Бывший директор кладбища вспоминал, как однажды осенью 1941 года к нему пришёл один немец с вопросом «где можно закопать своих собак». Директор указал место захоронения домашних животных — в поле за забором, не сразу поняв, что речь шла о советских военнопленных. Жители Марибора ещё много лет с содроганием вспоминали жуткую картину: каждый день через полгорода, по мосту через реку Драва на кладбище шла большая телега, гружёная окоченевшими трупами советских военнопленных, которую, надрываясь, тащили их бледные, худые, еле живые товарищи. А однажды зимой 1941 года администрация шталага устроила себе забаву: «забег» узников по улицам Марибора, после которого скончалось сразу около 30 человек.

Всего осенью-зимой 1941–1942 годов из 3300 прибывших в сентябре в шталаг умерло около 2800 советских военнопленных. Пятьсот переживших эту страшную зиму узников весной 1942 года переправили на заводы Штирии.

Не пережил ту зиму и мой дедушка... Немцы неплохо вели документацию, поэтому известна не только точная дата его смерти — 20 ноября, но и номер ямы, где его захоронили — 29. В тот же день скончались и были погребены в той же яме ещё пятеро узников-красноармейцев: Можаяев Николай, Смирнов Павел, Абрамов Алексей, Маслюков Алексей и Терещенко Николай.

Почему я считаю, что это именно мой дед, а не его полный тёзка? При содействии администрации президента России в Центральном военном архиве Минобороны были раскритичены архивные материалы концлагеря в Мариборе. Благодаря им, военнопленный № 44757 шталага XVIII-D (306) был идентифицирован как полковник Калинин Пётр Михайлович, внесённый в Список советских офицеров, погибших, умерших и пропавших без вести в 1941 году, захороненных в Словении, под номером 35 (МО вх.№ 1162 от 8.9.1999 г.). Анкетные данные полностью совпали...

Почему так поздно? Не знаю, но как говорится, лучше поздно, чем никогда. В любом случае, горькая правда лучше неопределённости статуса «пропавшего без вести», хотя подсознательно всегда хочется успокоить себя микроскопической надеждой на то, что человек как-то выжил, всё у него сложилось нормально, пусть где-то далеко, просто ты об этом не знаешь.

Отчего умер мой дедушка — от боевых ранений, от голода, от тифа или от всего разом? Впрочем какая разница? Я всё пытаюсь представить себе деда — измождённого, заросшего,

с ввалившимися глазами в рваной одежде на ледяном бетонном полу. Догадываюсь, какую тоску и горечь чувствовал он в душе — наверняка охранники лагеря прожужжали пленным все уши, что уже пали и Москва, и Ленинград. О чём думал Пётр Михайлович в свою последнюю ночь с 19 на 20 ноября? Какие последние слова прошептали его холодеющие губы? Не узнаем никогда. На братской могиле советских военнопленных, где покоится его прах, воздвигнут мемориальный комплекс, на одной из плит которого среди сотен других имён выбито по-словенски: **Pjotr Kaliničev**.

ПЁТР ВАСИЛЬЕВИЧ

«И было у отца три сына». Как в сказке. Только, в отличие от сказки, все трое умные. «Отец» — мой прадед Василий Федотович Муратов, «три сына» — его сыновья, мои деды — старший Пётр, средний Андрей и младший Аркадий.

«Вятский народ хватский — семеро одного не бояться». «Семеро на стогу, один „кидат“ (*кидает*) — семеро кричат: не заваливай!» Это наши вятские шутки-присказки. С одной стороны, они выглядят смешными и даже немного самоуничижительными, с другой стороны, только сильный народ может так подшучивать над собой.

Стоит на правом высоком берегу красавицы Вятки недалеко от волостного, ныне районного центра Вятские Поляны наше родовое гнездо — старинное село Куршино. Испокон веков трудом праведным жили в нём потомственные земледельцы Муратовы. Жизнь была непроста — как-никак зона рискованного земледелия, как сейчас умно выражаются, нередко случались неурожаи, а крестьянские семьи в тех краях были многодетными. Родители трудились от зари до зари, старшие дети подтягивали младших. За частую старших сестёр те, кто помладше, всю жизнь кликали «няньками», немудрёная одёжка переходила от подросших детей подрастающим. Народ тогда не особо рвался в города, никто не мучился поисками «смысла жизни». Точнее, смысл жизни был прост и понятен: труд в поте лица с Божьей молитвой, забота о семье и радение о землекормилице. Население росло, народ расселялся по уезду, распахивал новые земли, ставил «починки» — так исстари на Вятке называли новые деревни. В начале 20-х годов XX века в Куршино насчитывалось более 200 дворов.

В 1924 году случилось большое несчастье: сильный пожар уничтожил половину Куршина. Погорели и Муратовы, пришлось перебраться за ручей — в небольшую деревушку Помяловку (впоследствии она слилась с Куршино, став улицей Помяловской). Но беда не приходит одна: в 1925 году умерла жена прадеда, моя родная прабабушка Мария Ефимовна, в девичестве Конькова. И остались сиротами 12-летний Петья, 8-летний Андрейка (так говорят на Вятке) и 4-летний Аркашка. Но Василий Федотович, постаравшись быстро справиться с горем, женился повторно — ну как мальчикам без мамки, пусть и неродной? Впрочем заботилась она о пасынках, как о родных сыновьях — язык не повернётся назвать её «мачехой». Мария Степановна Гребнева была из дальнего села Батырево, что под удмуртским (в те времена говорили «вотянским») райцентром Кизнер. Но, к сожалению, совместных детей у неё с Василием Федотовичем не случилось: Мария Степановна была, как тогда говорили, «неродицей». Прабабушку Марью я немного помню — она умерла в 1969 году, когда мне было семь лет, правда, общаться мне с ней не разрешали: в конце жизни она страдала открытой формой туберкулёза. Кстати, её родной брат служил в личной охране Николая II, мой папа видел его фотокарточку, сделанную в то время в Питере, на ней — молодой красавец с аксельбантами и в парадном кивере. Папа запомнил его высоким, статным, кряжистым стариком.

Так и обживались в Помяловке с новой хозяйкой на новом месте. В 1931 году старший сын Пётр женился на местной девушке Сашеньке Мараткановой. Муратовы тесно сблизились с новой родней — видным, справным родом Мараткановых. В их семье было одиннадцать детей, Саня последняя — как тогда выражались, «поскрёбыш».

К тому времени всюду катился по стране тяжёлый каток «социалистического преобразования деревни» под названием коллективизация. Мараткановы и Муратовы, будучи крепкими единоличниками, обобществлений не желали, поэтому решили ставить свой починок на противоположной нижней лесистой стороне Вятки — недалеко от устья её притока Люги. Старший брат моей будущей бабушки Сани Иван Алексеевич к тому времени завербовался на Дальний Восток — на строительство авиазавода в Комсомольске-на-Амуре. В то время вербовка на строительство «флагманов социалистической индустрии» была одной из немногих возможностей для сельских жителей получить паспорт.

Для починка выбрали поляну около большого соснового леса. С северной стороны к деревне примыкали обильные пойменные луга, тянувшиеся вдоль речки Люга. Место живописнейшее. Сняться с насиженных мест и начать обустраиваться заново поначалу решились шесть семей: братья бабушки Александры Алексеевны — Григорий, Алексей (впоследствии крёстный моего отца), Фёдор и Василий Мараткановы с семьями, Шупановы — семья сестры Марии и мы, Муратовы. Починок сперва назвали Красным Яром, но позднее возникло окончательное, ставшее официальным название — деревня Новое Куршино.

И закипела работа: валили лес, ставили избы, корчевали и распахивали на лошадах землю, в богатой покосной пойме Люги заготавливали сено. Понятное дело, породственному помогали друг другу — иначе никак. Мне всегда казалось, что рискованные первопроходцы, заселявшие и обживавшие новые места — далёкая история, а вот, глядишь ты, это было по историческим меркам совсем недавно! Способны ли мы, сегодняшние, на нечто подобное? Сомневаюсь... Все друг друга прекрасно знали, вкалывали на совесть, подгонять никого не надо — в этом принципиальнейшее отличие от колхозов: работали на себя, на свои семьи и род.

В 1932 году у Петра и Александры Муратовых родился первенец — «Генкя», мой дядя Геннадий Петрович. Они разбили при доме сад, огород, а Василий Федотович катал отличные валенки, вся округа в них ходила. Сразу за деревней — прекрасный лес, в нём полно всякой живности, ягод и грибов, прадед засаливал ядрёные мохнатые белые грузди целыми кадками. В общем, живи и радуйся.

Но... докатился-таки и до этих дальних лесных выселок неумолимый каток коллективизации. Районные власти потребовали организовать колхоз, обобществить средства и орудия производства, поскольку земля и так изначально принадлежала «народу», а не каким-то там ново-куршинцам, её обрабатывающим. Иначе... Сами понимаете. Но это полбеды. В состав колхоза включили ещё одну небольшую деревню — Новую Сосновку, она стояла на другом берегу Люги, недалеко от её устья, километрах в двух от Нового Куршина, в ней насчитывалось 14 дворов. Как и Новое Куршино, Новая Сосновка тоже когда-то была почином, поставленным переселенцами из соседней деревни Кулыги. Половина жителей Новой Сосновки носила фамилию Павловы. Правда, специфику возникновения включаемых в новый колхоз деревень решили отразить в его названии — «Начало». На мой вкус, это лучше, чем набившие оскомину названия колхозов имени каких-нибудь деятелей революции или гражданской войны, или «чего-нибудь» (пути или знамени) коммунизма.

Председателем нового колхоза назначили одного из ново-сосновских Павловых, а другого Павлова, у которого был самый большой и красивый дом, раскулачили (дом отдали под школу). Там же в Новой Сосновке жил ещё один Павлов, который упорно не

хотел вступать в колхоз, оставаясь убеждённым единоличником, что по тем временам было крайне рискованным.

Я не хочу сказать о жителях Новой Сосновки что-то плохое. Но представляю настроения Муратовых и Мараткановых: жить на непонятные трудодни, завися от результатов работы чужих, практически незнакомых тебе людей... Это было почти невыносимо для крестьянского самосознания. Особенно мучился Василий Федотович, всю жизнь полагавшийся только на себя и на тех, кого он хорошо знал и кому доверял. А тут...

Где-то в 1934 году приехал в отпуск из Комсомольска-на-Амуре Иван Алексеевич Маратканов. Он пустил там корни, его рассказы о Дальнем Востоке «зацепили» затаившего обиду на колхозы Василия Федотовича. Посовещавшись, Муратовы и решили двинуть на новое место, только уже несравнимо более далёкое. Мараткановы переезжать не отважились, решили подождать, посмотреть, что выйдет из этой затеи у Муратовых. К тому моменту у Петра и Александры было уже двое детей: на свет божий появилась дочка Нина.

Сказано — сделано. Шестеро Муратовых — глава семьи Василий Федотович с женой Марией Степановной, старший сын Пётр с женой Александрой и детьми Геной и Ниной собрались в дальний путь. Средний сын Василия Федотовича Андрей, закончив школу-семилетку, уже работал бухгалтером в Вятских Полянах, младший Аркадий заканчивал семилетку, его решили не сдёргивать с места, оставив под присмотром Мараткановых. Опусти описание «патетики» сборов и долгого пути, догадываюсь, насколько было сложно оторваться от земли, скажу лишь главное: семьи моих прадеда и деда переехали в Комсомольск-на-Амуре году в 1935 или 1936.

Вспоминаю бабушку Александру Алексеевну, труженицу, всегда сдержанной и спокойной, не припомню, чтобы она спорила на какие-то политические темы. На мой вопрос «как получилось, что мой отец родился за тысячи километров от вятских мест» она, помолчав пару секунд, дала исчерпывающий ответ: «дык от колхозов-от побежали...» Это была единственная «политически окрашенная» фраза, которую я слышал от своей почти святой бабушки. Впрочем большего и не надо. В этой фразе — всё.

В Комсомольске их, как людей малообразованных (баба Саня, помнится, с трудом читала и писала: её образование ограничилось двумя классами церковно-приходской школы), но привычных к крестьянскому труду, определили на работу в подсобное хозяйство авиазавода, находившееся неподалёку от города, около нанайской деревни Дзёмги. Рядом с домом Ивана Алексеевича Муратовы поставили небольшую насыпную избу. Именно там в 1938 году на свет божий появился мой отец Юрий, «Юрик», как его звали в детстве.

К тому моменту Муратовы уже осознали свою ошибку с переездом. Причин было множество. Как говорится, «не заклиматило»: чаще болели, зимы дольше и холодней, земля намного скуднее, чем на родной Вятке. Потомственная крестьянская душа звала на родину. К тому же Василий Федотович уже смирился с мыслью, что от колхозов не скроешься нигде. А годом раньше случилось большое горе: заболела и умерла двухлетняя Ниношка, царство ей небесное. В довершение всего прадед, собирая шишку, упал с кедра и сломал два ребра. Приковыляв домой, он эмоционально выдал длинную словесную тираду, общий смысл которой сводился к тому, что пора покидать Дальний Восток и возвращаться домой.

В 1939 году Муратовы вернулись. За домом всё это время присматривали Мараткановы. Андрея призвали на срочную службу в РККА, Аркадий собирался поступать в Ульяновское танковое училище. Колхоз «Начало» выполнял планы, на трудодни кое-что выдавали. Муратовы стали колхозниками, украдкой вздыхая по единоличной вольнице и ясно осознавая, что возврата к прежней жизни уже не будет. К тому моменту в Новом Куршине стояло уже 12 дворов, правда, электричества в деревне ещё не было (оно

появится только в 1946 году). Василий Федотович возобновил катание валенок — это давало хорошее подспорье к трудностям. Кормило хозяйство и лес. В 1940 году у Петра Васильевича и Александры Алексеевны родилась дочка, которую тоже назвали Ниной. Сразу успокою мнительных приверженцев разных примет: в этом году моя тётя, Нина Петровна, отметит 80-летний юбилей, дай Бог ей здоровья. Словом, всё обстояло более-менее нормально, жить можно.

Но тут пришла война...

* * *

*Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?
Александр Твардовский*

«Прощай, Юрик!» — последняя фраза отца, которую запомнил мой папа. Пётр Васильевич поцеловал сына, подняв его на вытянутых руках. Юрик радостно засмеялся, не понимая происходившего вокруг. Мальцу было всего три с небольшим года, но его память отчётливо сохранила проводы отца. Юрику нравилась общая суэта вокруг, гости, песни, ему было приятно, что любимого отца все обнимают. А Пётр Васильевич заскочил на подводу, помахал рукой и уехал. Как оказалось, навсегда. Вместе с ним на призывной пункт райвоенкомата в Вятских Полянах отправились и двое Мараткановых. Шёл август 1941 года.

Став немного постарше, Юрик понял, КУДА они ушли, хорошо запомнив проводы следующих односельчан — казалось, войне не будет конца. Обычно вся деревня собиралась в доме уходящего на фронт, накрывался стол, потом запрягали лошадь и призывники с песнями и гармошкой прощались с деревней, объезжая её на подводе. В память Юрика врезались слова песни: «Прощайте, люди добрые, прощайте, вся моя родня!» Все выходили на улицу, обнимали призываемых на фронт. Провожали до околицы. Дальше дорога уходила в перелесок, разделявший Новое Куршино и активно строившиеся по соседству завод по выпуску фронтовых конных санитарных двуколок и новый посёлок при заводе — Усть-Люга (ныне Новое Куршино и Новая Сосновка стали просто улицами этого посёлка, перестав существовать как отдельные населённые пункты).

Основная забота о семье легла на плечи Василия Федотовича, детишки звали его «батё». Он, фактически, заменил им отца. Война и общее горе изменили людей — все самоотверженно трудились в колхозе. «Всё для фронта! Всё для победы!» — этому лозунгу следовал каждый. Больше ни одного плохого слова про колхоз от Василия Федотовича не слышали. Прадед и сам прекрасно понимал: его ударный труд в колхозе «Начало», который он поначалу так невзлюбил — реальный вклад в дело победы, а значит, и по-мощь воюющим сыновьям.

Андрей, проработав после демобилизации всего несколько месяцев, был призван вновь. Он воевал на Карельском фронте, Аркадий, только-только получивший свои лейтенантские

«кубики» на петлицы, командовал танковым взводом на Южном фронте. Младший из братьев Муратовых получил тяжёлое ранение — ему разорвало лицо, оторвало нос, благо уцелели глаза. Вернувшись в строй после госпитализации, зимой 42-го года Аркадий был командирован в Челябинск на танковый завод — принимать новую партию машин для своей бригады, о чём известил в письме «батю». Василий Федотович вымолил в колхозе небольшой отпуск, чтоб повидаться с сыном в Челябинске. При встрече он не узнал своего некогда красавца-сына: его обнимал поседевший человек с изуродованным лицом. Это была их последняя встреча: 19 июля 1942 года лейтенант-танкист Аркадий Васильевич Муратов пал смертью храбрых в боях под Воронежом. Парню шёл двадцать второй год...

Пётр Васильевич оказался на Западном фронте в 906-м полку 243-й стрелковой дивизии. Командовал отделением в звании сержанта. В декабре 1941 года в составе 29-й армии Калининского фронта его дивизия участвовала в Калининской наступательной операции и 16 декабря первой вступила в освобождённый от гитлеровцев Калинин (ныне Тверь). В дальнейшем 243-я дивизия участвовала в кровопролитной Ржевско-Вяземской операции и к концу апреля 1942 года вышла на подступы к городу Ржеву, где закрепились, перейдя к активной обороне.

Наступательные операции по ликвидации Ржевско-Вяземского выступа и освобождению Ржева — одна из наиболее драматичных и трагических страниц истории Великой Отечественной. Сколько наших солдат полегло подо Ржевом! Кровавую Ржевскую битву в народе называли «ржевской мясорубкой». В советские времена о ней говорили совсем немного и как-то вскользь. И только недавно, в 2007 году, указом Путина Ржеву было присвоено почётное звание «Города воинской славы» за мужество, стойкость и массовый героизм его защитников. Что мешало принять такое решение намного раньше, когда они ещё были живы? Впрочем лучше поздно, чем никогда, надеюсь, что хоть кто-то из уцелевших героев дождался этого.

Но я останавливаться только на предпоследней операции этой страшной битвы — второй Ржевско-Сычёвской наступательной. Она получила кодовое название «Марс» и проводилась силами Калининского и Западного фронтов под руководством генерала армии Г. К. Жукова. Точнее, на боевых действиях 243-й дивизии в рамках этой операции.

Низкий поклон людям, создавшим и поддерживающим сайт «Память народа»: именно там мне удалось ознакомиться с журналом боевых действий 243-й стрелковой дивизии, отсканированным и выложенным на этом сайте. Скажу честно, читать пожелтевшие страницы с написанными чернилами неровным почерком строками волнительно. Журнал вёлся ежедневно, сквозь сухой лаконичный текст воочию ощущаешь дыхание истории. Привожу фрагмент журнала боевых действий 243 СД (стрелковой дивизии) с 30.11.42 по 15.12.42 г. в сокращении, курсивом, со своими комментариями в скобках. Я набрал этот текст, сохранив его орфографию и пунктуацию (архив ЦАМО, фонд 1525, опись 1, дело 34). Командир дивизии — полковник Куценко А. А.

30.11–4.12.1942 г. 243 СД частями и отдельными подразделениями 9-ю эшелонами по ж.д. транспорту передислоцировалась с района Медынь в р-он Красново (Калининская область).

5.12.42 г. Боевая задача. Подготовка частей и отдельных подразделений к наступательным операциям.

Описание боевых действий. Дивизия дислоцируется в лесу в районе Красново, Петрушино.

6.12.42 г. Дивизия дислоцируется в прежнем р-не. В течение дня проводила занятие по боевой подг-ке, вместо 3-х штатных единиц создано два стрелковых б-на (батальона). Потерь и происшествий не имеет. КП (командный пункт) дивизии Красново.

8.12.1942 г. Боевая задача. На основании боевого приказа № 020 штарма (штаба армией) 20 от 8.12.42 г. дивизия совершает марш из р-она Красново-Петрушино и сосредоточивается ю.з. (юго-западнее) Арестово выйти на рубеж отм. (отметка) 203,7. Лапоток. Дальнейшая задача – овладеть р-оном (исх) 206,7, Помельницы, отм. 206,4.

Описание боевых действий. Дивизия совершает марш для наступления. Происшествий нет. КП дивизии Бобровка.

9.12.42 г. Боевая задача. На основании боевого приказа штарма дивизии занять исходное положение ю.з. Арестово и наступать в направлении Подосиновка «ост. 174 км». Ближайшая задача – овладеть Подосиновкой.

Описание боевых действий. Дивизия сосредоточилась в р-не ю.з. Арестово. Резерв командира дивизии – лыжбат, разведрота, заград. б-он сосредоточились в ложине южнее Бобровки 400 м.

Потери: ранен нач-к политотдела батальона комиссар Сорокин, 906 СП ранено 2 кр-ца (красноармейца), 910 СП – потерь нет, 912 СП – убито 1 чел., ранено 4 чел.

10.12.42 г. Боевая задача прежняя.

Описание боевых действий. Дивизия, приняв оборону в полосе: мост сев. Подосиновки 200 м – кустарник вост. Подосиновки 200 м – ю.з. скаты безымянной высоты с горизонталью 200, сев. Жеребцово 200 м, готовится к выполнению боевого приказа штарма.

Потери: 906 СП – убито 2 кр-ца, 910 СП – ранено 11 кр-цев, убито 2 чел., 912 СП – убито 2 кр-ца, ранено 6 чел. Потери артиллерии – ранен зам.ком. 775 АП (артиллерийского полка) майор Черников. Резерв ком.дивизии потерь не имеет.

И вот, началось наступление...

11.12.42 г. Боевая задача прежняя. Боевым распоряжением 077 Штарма 20 от 10.12.42 г. Атаку пехоты и артиллерии назначаю на 11 ч 00 м 11.12.42 г.

Описание боевых действий. Дивизия в ночь с 10.12 на 11.12.42 г. вывела части на исходное положение для атаки. С 1-ч 10 м до 11.00 11.12.42 г. все системы боевых порядков артиллерии вели обработку переднего края обороны пр-ка (противника). И в 11.00 начало прорыва переднего края пр-ка. Действовавшие танки в направлении дивизии, дойдя до переднего края потеряли 8 машин, остальные танки остановились.

906 СП Наступая на правом фланге дивизии (исх) мост сев. Подосиновки, (исх) Подосиновка, встретив сильное огневое сопротивление пр-ка, успеха не имел. К 8.00 12.12.42 г. седлает дорогу Подосиновка – Мал. Кропотово. Потери: убито и ранено 254 чел.

910 СП Совместно с пульбатом (пулемётным батальоном) прорвал передний край Подосиновки. В 11.20 ворвался в Подосиновку с двумя танками и двумя стрелковыми ротами. Встретив сильный руж. пулем. арт. мин. огонь пр-ка, понёс большие потери, успеха в овладении Подосиновкой не имел. Потери: убито и ранено 718 чел.

912 СП Прорвав передний край (исх) Подосиновки, (исх) Жеребцово к 20.00 достиг сев. зап. Жеребцово 300 м. 2-м б-оном (батальоном) юго-вост. Подосиновки седлает дорогу Подосиновка – Жеребцово. Встретив сильное огневое сопротивление пр-ка, отбив контратаку, в дальнейшем успеха не имел. Потери: убито и ранено 621 чел.

Резерв ком.дивизии готов к выполнению боевой задачи, согласно боевого распоряжения № 82 12.12.42 г. Потери: убито и ранено 28 чел.

Артиллерия дивизии с приданными полками усиления 302 ГАП (гаубичный артиллерийский полк) и 998 ПАП (противотанковый артиллерийский полк) произвели 50-минутную арт.подготовку. Потери: убито и ранено 30 чел., пропали без вести 3 чел.

Соседи: справа 30 гв. (гвардейская) СД, слева 247 СД.

13.12.42 г. Боевая задача *Задача прежняя. Дивизия продолжает наступать на Подосиновку с задачей овладеть, в дальнейшем наступать на Лапоток.*

906 СП наступает на сев.вост. окр. Подосиновки – успеха не имеет.

910 СП наступает на вост. окр. Подосиновки – успеха не имеет.

912 СП наступает на юго.вост. окр. Подосиновки – успеха не имеет.

Потери: *906 СП убито 10 чел, ранено 22 ч.*

910 СП убито 58 чел, ранено 129 ч.

912 СП убито 134 чел, ранено 291 ч.

Артиллерия – убито и ранено 11 чел.

КП и НП (наблюдательный пункт) дивизии – *в Арестово.*

В этот день, 13 декабря 1942 года, наступление, похоже, велось уже по инерции. От дивизии, судя по сведениям о потерях, остались одни осколки, наступать далее было нечем.

В какой из трёх дней наступления был тяжело ранен Пётр Васильевич осталось неизвестным. В похоронке указана причина смерти: «слепое осколочное ранение правого бедра». Шипя и потрескивая, раскалённый кусок железа остывал в его развороченной плоти. Кровь хлестала из раны, к тому же на морозе она сворачивается очень плохо. Возможно ранение оказалось бы несмертельным, получи он своевременную медицинскую помощь. Но раненых было много, очень много. Везло тем, кого ранение настигало ближе к своим позициям – их выносили с поля боя раньше. А вот раненые у переднего края противника зачастую так и оставались там умирать: враг не давал возможности их спасти. И только доносились постепенно затихавшие крики и стоны раненых – представляю, какая была мука слышать это...

Операция «Марс», между тем, по-прежнему продолжалась. Завершится она только через неделю, 20 декабря. А журнал боевых действий разбитой в наступлении 243-й дивизии продолжал сухо информировать:

14.12.42 г. Боевая задача *Выйти в резерв армии для приведения частей в порядок.*

Описание боевых действий. *Части дивизии, сдав участок в полосе наступления 379 СД (далее наступать предстояло уже ей) к 18.00 14.12.42 г. вышли в резерв 20-й армии для приведения частей в порядок и сосредоточились:*

906 СП – сев.зап. Зеваловки

910 СП – сев.зап. Кузнечихи

912 СП – ю.вост. Зеваловки

775 АП на ОП (оперативной позиции) р-н Арестово для поддержки 379 СД. КП дивизии – высота с кустарником, что западнее Бабихино.

15.12.42 г. Задача прежняя. *Дивизия дислоцируется в районе Зеваловки и Кузнечихи на основании приказа штарма привести части в порядок. Проведено совещание с командирами частей и подразделений по вопросам укомплектования и реорганизации подразделений.*

775 АП на ОП в районе Арестово.

КП дивизии – высота с кустарником, что западнее Бабихино 400 м.

Это был последний листок журнала боевых действий дивизии на тот период. Её, фактически, не стало. Уже потом, в тылу, 243-я стрелковая дивизия реорганизовывалась и доукомплектовывалась личным составом. Как о боевом соединении сведения о ней в новом журнале боевых действий появляются только через два месяца. Сколько сослуживцев командира отделения сержанта Муратова осталось к тому времени в строю неизвестно, скорее всего, почти никого.

Догадываюсь, что наступление на укреплённую, насыщенную, глубоко эшелонированную оборону врага изначально представлялось бойцам 243-й дивизии обречённым на неудачу, что и подтвердилось невыполнением поставленных боевых задач и численностью потерь. Они прекрасно понимали, ЧТО им предстоит морозным утром 11 декабря 1942 года. Но солдаты обязаны были выполнять приказ, а потому, несмотря ни на что, шли, увязая в снегу, вперёд на врага.

Однако бойцы, командиры полков и дивизий, армий и фронтов не знали и не могли знать, что немцы были специально предупреждены о том наступлении подо Ржевом в рамках радиоигры «Монастырь» и ожидали его. Ничего не знал об этом и Жуков, в то время ещё генерал армии. «Марс» и «Уран» (контрнаступление под Сталинградом) проводились в рамках единого замысла, поэтому основная стратегическая задача операции «Марс» состояла в отвлечении сил противника для обеспечения успеха операции «Уран», о проведении которой враг даже не подозревал. Жестоко? Наверное да, но это война... Ржевская битва перемолола все резервы немецкой группы армий «Центр», и спасти окружённую Красной Армией в Сталинграде армию Паулюса было уже практически нечем. Поэтому вторую Ржевско-Сычёвскую наступательную операцию нельзя считать провалом, а смерть Петра Васильевича напрасной. Более того, его даже можно назвать соучастником Сталинградской битвы, переломившей ход всей Второй мировой войны.

Красная Армия победила под Сталинградом и стремительно продвинулась вперёд на юге, а в 1943 году перешла в победное наступление и на центральном направлении, в том числе, под Подосиновкой. На современных картах нет ни Подосиновки, ни Арестова, ни Жеребцова — могу только представить, что осталось от тех деревень после наступления. Третьего марта 1943 года вновь стал нашим многострадальный Ржев, из довоенных двадцати тысяч населения города уцелело всего 150 человек...

А переформированную 243-ю стрелковую дивизию в конце февраля 1943 года перебросили на Юго-Западный фронт под Луганск с тем же командиром — полковником Куценко. Новый журнал боевых действий дивизии всё так же беспристрастно фиксировал продолжение её боевого пути. Победного, на запад!

Но уже без Петра Васильевича. Последняя неделя жизни сержанта Муратова прошла в агонии: потеря крови оказалась критической. Сознание всё чаще покидало его, и 20 декабря 1942 года моего дедушки не стало. Помимо даты и причины, в похоронке указано место смерти: эвакогоспиталь № 1763 города Волоколамска Московской области. И место погребения — братская могила № 9. Осиротевший Юрик на всю жизнь запомнил, как, получив похоронку, нечеловеческим голосом завывала его ставшая вдовой мать Александра Алексеевна...

* * *

«И было у отца три сына». Но только один из них, средний, вернулся с войны. В 1946 году, к великой радости Василия Федотовича, навестил родные места Андрей Васильевич Муратов — в военной форме, с табельным пистолетом в кобуре, солидный, бравый, красивый. Его грудь украшали два ордена Красной Звезды и четыре медали: «За боевые заслуги», «За оборону советского Заполярья», «За взятие Кенигсберга» и, разумеется, «За победу над Германией». К тому времени он стал гвардии майором, оставшись служить в армии кадровым офицером. Вся деревня приходила поприветствовать героя, многие, обнимая его, плакали: более половины мужиков-кормильцев Нового Куршина не вернулись с фронта. Но гостил Андрей Васильевич недолго. Забрав с собой будущую супругу, красавицу-односельчанку Анечку, он отбыл к месту службы в Белоруссию, где до войны много лет прослужил другой мой дед — Пётр Михайлович.

О погибших старшем и младшем братьях Муратовых ещё долго напоминали бала-лайка Петра и гитара Аркадия. Онемевшие без хозяев инструменты много лет пылились в чулане, но больше на них никто не играл.

Я часто думаю о своих дедах, подолгу вглядываюсь в их фотографии, «примеряю» на себя их судьбы. Но как бы ни старался, представить себя нынешнего на их месте никак не получается. Они, в отличие от меня, не узнали главного — как завершилась война. С возрастом всё глубже осознаёшь весь трагизм и величие тех времён, ведь я уже почти на 20 лет старше Петра Михайловича, а Пётр Васильевич и вовсе младше моих детей. Двум Петрам — Михайловичу и Васильевичу — не довелось услышать от своих внуков такое тёплое обращение: «деда Петя». Но они отдали свои жизни за то, чтоб это услышал я...

В 2017 году мы с отцом и моим двоюродным братом екатеринбуржцем Андреем Геннадьевичем Муратовым впервые побывали на братской могиле в Волоколамске, что сразу за автобусной остановкой «Совхоз». Аккуратный ухоженный обелиск с небольшим памятником за оградкой под сенью высоких деревьев, некоторые из которых наверняка стояли в конце 1942 года, когда опускали в могилу умерших в госпитале солдат. На обелиске выбито имя деда «Муратов П. В.» Мы поклонились его памяти, сфотографировались, возложили красные гвоздики, повязали георгиевскую ленточку, прибрались, вымыли обелиск. После чего набрали землицы с братской могилы и поехали на Вятку — бросить, по древней русской традиции, по горсточке на могилы Василия Федотовича и Александры Алексеевны. Андрей повёз священную землицу на могилу отца — Геннадия Петровича, моего дяди.

В прошлом году мы с сыном Ярославом по пути в далёкую Словению вновь навестили могилу Петра Васильевича. В Марибор приехали в символическую дату — 22 июня. Сразу нашли бывший шталаг XVIII-D (306) на улице Эйншпелерьевой на окраине города. Возложили красные розы у памятного стенда рядом с воротами в здание, где содержались советские военнопленные, и где скончался Пётр Михайлович. Традиционных красных гвоздик в ближайшем цветочном магазине, к сожалению, не оказалось. Потом пешком прошли путь, по которому лагерная телега почти 80 лет назад доставила тело Петра Михайловича на кладбище «Побережье». В цветочных рядах у входа в него нашлись-таки красные гвоздики. Мемориал погибшим советским военнопленным отыскали довольно быстро. С утра хмурилось, погромыхивало, вершины окружающих город гор скрывали мохнатые низкие тучи. Но «небесная канцелярия» будто бы терпеливо ждала, пока мы почтим память деда, разразившись мощной грозой чуть позже — ливень хлынул стеной. Мы с сыном сочли это знаковым.

Часто слышу выражение «братский народ», и не режу споры, какие народы таковыми считать. Ведь далеко не всегда совместные исторические судьбы, общая религия или этническое родство делают народы братскими. Мой критерий оценки братства прост и понятен — отношение к исторической памяти. Если чтите свято память советского воина-освободителя — братский народ, если нет — извините... Ныне некоторые неблагоприятные народы Европы страдают исторической амнезией, надеюсь, в перспективе излечимой.

Но про словенцев так не скажешь, вот они — братский народ, несмотря на то, что их страна состоит в НАТО. Мемориал содержится в образцовом состоянии. В Словении вообще с большим уважением относятся к памяти наших воинов, освобождавших её территорию. Памятники погибшим советским солдатам бережно сохраняются местными жителями по всей стране. Меня очень тронуло прошлогоднее сообщение в СМИ о визите словенской делегации в Москву с целью переноса частички Вечного огня у Кремлёвской стены в столицу Люблян для зажжения там своего Вечного огня. Значит помнят, значит им это нужно.

В 2006 году по инициативе нашего посольства на братской могиле в Мариборе установили большой надгробный мраморный православный крест. Каждый год 9 мая там проходят торжественные мероприятия, посвящённые памяти наших погибших военнопленных. Участвуют представители мэрии города, местных организаций, Музея народно-освободительного движения. А с недавних пор русская община Марибора проводит марши «Бессмертного полка», в которых принимают участие всё больше словенцев.

Мы с сыном тоже набрали землицы с братской могилы в Мариборе и на обратном пути задержались в Москве. Вместе с моим двоюродным братом подполковником в отставке Игорем Борисовичем, тоже внуком Петра Михайловича, бросили по горсточке на могилы Калиничевых: Бориса Петровича, внука Олега и правнука Андрея.

Волоколамск и Марибор. Две братские могилы. Два солдата. Два Петра. Ныне они снова проходят вместе с нами маршем «Бессмертного полка». Светлая им память! И царствие небесное...

Волоколамск. Братская могила

Марибор. Братская могила

2020 год

